

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

© 2018 г. В.В. Момотов

Верховный Суд РФ, Москва
E-mail: fedorov_si@vsrf.ru

Поступила в редакцию 10.08.2017 г.

В статье рассматриваются место и роль толкований правовых норм, даваемых Верховным Судом РФ, в правовой системе России. С опорой на взгляды представителей социологической школы права обосновывается позиция, согласно которой такие толкования являются источниками права (так называемого “живого права”). Дана общая оценка действующей в Российской Федерации системе толкования права, в рамках которой Верховным Судом осуществляется официальное толкование права. На конкретных примерах показано, что высшая судебная инстанция применяет все разработанные наукой теории права методы толкования: буквальный, системный, телеологический, исторический. Сформулирована иерархия толкований правовых норм Верховным Судом (определения по конкретным делам, обзоры судебной практики, постановления Пленума), каждая из «ступеней» которой выступает предпосылкой для последующей. Показано значение толкований высшей судебной инстанции для развития правовой системы, выражающееся (в частности) в восполнении правовых пробелов, разрешении правовых коллизий, применении существующего правового регулирования к динамично меняющимся и усложняющимся общественным отношениям, а также во взаимном влиянии толкования права и законотворческого процесса. Продемонстрированы последние тенденции в развитии судебного толкования права, в частности появление так называемых упреждающих разъяснений Пленума Верховного Суда.

Ключевые слова: толкование права, Верховный Суд РФ, постановление Пленума, судебная практика, источники права.

Теоретико-правовой аспект

Под толкованием правовой нормы понимается процесс уяснения и разъяснения ее смысла¹. Из этого определения, ставшего общепризнанным в науке теории права, следует, что толкование правовой нормы включает в себя две стадии: первая стадия – уяснение смысла такой нормы, которое предполагает выявление содержания правовой нормы тем лицом, которое осуществляет толкование; вторая стадия – это разъяснение смысла нормы, под которым понимается доведение содержания правовой нормы до сведения других участников правоотношений².

В связи с изложенным возникает вопрос: является ли толкование права необходимым институтом на современном этапе развития правового государства? Этот на первый взгляд странный вопрос в действительности не так прост, как кажется, и уже не один десяток лет вызывает дис-

куссии в юридической науке (как российской, так и зарубежной)³. Возникновение подобных вопросов связано с формалистским подходом сторонников позитивистского правопонимания, полагающих, что наличие правовой нормы исключает необходимость каких-либо дополнительных рассуждений, “домысливания” за законодателя. Некоторые позитивисты (вернее, представители так называемого нормативизма, являющегося крайним проявлением позитивизма) указывают, что все необходимые руководства к действию изложены законодателем в диспозиции правовой нормы и не нуждаются в появлении дополнительной фигуры толкователя права, который не только не может, но и не должен дополнять идеи законодателя собственными рассуждениями⁴.

Представляется, что подобный подход нельзя поддержать, поскольку он не учитывает реалий современного общественного и правового развития. Необходимость толкования права обусловлена це-

¹ См.: Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 80.

² См.: Петрова Е.А. Актуальные вопросы теории права и сравнительного правоведения. М., 2015. С. 118.

³ См.: Туманов В.А. Современное буржуазное государство и право. М., 1987. С. 78, 79.

⁴ См., напр.: Шавенко Н.А. Право и мораль: соотношение в общетеоретическом аспекте. М., 2014. С. 7, 8.

лым рядом причин как субъективного, так и объективного характера.

К субъективным причинам толкования права относится, в частности, недостаточная юридико-техническая проработка отдельных нормативных правовых актов. Время от времени в правовой системе любого государства появляются правовые акты, содержащие громоздкие, а порой некорректные формулировки, точный смысл которых без применения специальных методов толкования правовых текстов остаётся неясным. В некоторых случаях правовые нормы содержат нечеткие термины, значение которых можно установить только путем толкования. Наконец, иногда правовые нормы вступают в противоречие друг с другом — возникают так называемые правовые коллизии, которые в отсутствие инструментов толкования права заводи́ли бы правоприменителя “в тупик”⁵.

Следует отметить, что названные субъективные причины толкования правовых норм сами по себе не свидетельствуют о низком качестве законотворческого процесса. Наличие юридико-технических изъянов, коллизий и неясностей — свойство всех правовых порядков мира, продиктованное человеческим фактором. Достаточно вспомнить о деятельности по отправлению правосудия: судебные ошибки допускаются во всех правовых порядках, поскольку наличие ошибок является имманентным свойством любой человеческой деятельности. Обеспечить полное отсутствие и судебных, и законодательных ошибок невозможно — необходимо предусмотреть в законе способы преодоления и исправления подобных ошибок. Именно поэтому способами исправления судебных ошибок стали апелляционное, кассационное и надзорное судопроизводства, а способами преодоления законодательных изъянов (до их исправления самим законодателем) — особые методы толкования права (системный, исторический и т.д.) и специальные правила такого толкования (приоритет последующего закона перед предыдущим, специального закона перед общим и акта более высокой силы перед актом более низкой силы, применение аналогии закона и права и т.д.).

Существуют и объективные причины толкования права, которые являются неустранимыми и вытекают из самой природы права как одного из институтов общества и государства. Основная причина этой группы состоит в абстрактном характере правовых предписаний и конкретном характере ситуаций, в которых такие предписания необходимо применить. Подобное противоречие

между абстрактным и конкретным не всегда характеризовало правовую систему и обострялось по мере развития общественных отношений⁶. Архаическое право имело казуистичный характер и стремилось предусмотреть подробное регулирование каждой жизненной ситуации, однако динамичное развитие экономики и других сфер общественной жизни породило необходимость формулирования наиболее общих правовых предписаний, учитывающих многообразие жизненных ситуаций⁷. Со временем абстрактный характер права только усиливался, что привело к появлению так называемых каучуковых правовых норм, т.е. предписаний, которые полностью рассчитаны на “судейское усмотрение” и должны наполняться конкретным содержанием в правоприменительной практике (речь идет, в частности, о требованиях разумности и добросовестности, запрете злоупотребления правом, критерии соразмерности и др.)⁸. Появился ряд разновидностей правовых норм, не вписывающихся в классическую структуру “гипотеза — диспозиция — санкция”: в частности нормы-принципы, нормы-декларации, нормы-определения и др.⁹ Совершенно очевидно, что современные правовые предписания, характеризующиеся высоким уровнем абстракции, в отсутствие толкования так и останутся лишь нормативным текстом, не воплотившимся в реальных общественных отношениях.

Еще одной из объективных причин толкования правовых норм является динамичное развитие общественных отношений, которое объективно превосходит динамику развития нормативно-правового регулирования. Под воздействием экономического, научно-технического, информационного и иного развития общественные отношения усложняются, растет их многообразие, появляются принципиально новые отношения, неизвестные действующему правовому регулированию. Законодатель по определению не может мгновенно реагировать на такое развитие, своевременно внося необходимые изменения и дополнения в законодательство хотя бы потому, что сам законодательный процесс состоит из целого ряда стадий и требует времени. Вместе с тем фактические общественные отношения не могут “ждать” появления новых правовых норм: на почве новых

⁶ См.: Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2017. С. 54.

⁷ См.: Кашанина Т.В. Структура права. М., 2013. С. 34, 35.

⁸ См.: Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике. М., 2011. С. 84–86.

⁹ См., напр.: Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. М., 2016. С. 88.

⁵ См.: Аверин А.В. Истина и судебная достоверность. М., 2015. С. 114, 115.

общественных отношений возникают конфликты, которые неизбежно выливаются в конкретные судебные споры. В таких условиях судьи не только могут, но и обязаны выявить применимые нормы права и правильно их интерпретировать применительно к соответствующим ситуациям.

Наконец, следует упомянуть о целостности и системности права как единого организма. Правовые нормы содержатся в тысячах законов и подзаконных актов, которые, несмотря на их огромный объем, представляют собой единую систему, внутренне согласованную и взаимосвязанную. Поэтому любая правовая норма лишь в первом приближении является тем текстом, который изложен в конкретной статье или пункте нормативного акта. В действительности правовая норма должна восприниматься во взаимосвязи с другими нормами, регулирующими сходные отношения, поскольку такие нормы взаимно дополняют друг друга, основаны на общем терминологическом аппарате, учитывают различные варианты развития той или иной ситуации. Системное применение правовых норм возможно только при условии их правильного системного толкования.

Особое теоретико-правовое значение имеет вопрос о юридической силе толкований Верховного Суда РФ. Как правило, этот вопрос “увязывается” с проблемой признания юридической силы за судебным прецедентом. Стереотипный подход к этому вопросу выражен в идее о том, что российский правопорядок входит в состав континентально-европейской правовой системы, которая, в отличие от системы англо-американской, не признает юридической силы за актами судебного толкования правовых норм¹⁰.

Вместе с тем последние исследования показывают, что временный отказ континентально-европейских правопорядков от судебного прецедента был обусловлен конкретно-историческими особенностями их развития. Такой отказ стал результатом революционных изменений второй половины XVIII в., когда юридическая сила судебного прецедента была эмоционально отвергнута вместе со многими другими позитивными достижениями монархической власти¹¹. Когда “накал страстей” снизился, Европа постепенно вернулась на естественный путь признания обязательной силы за толкованиями кассационных судов. Начиная с 90-х годов прошлого века и до сегод-

няшнего дня в работах западных юристов по сравнительному правоведению неизменно указывается, что в англо-американской системе наблюдается устойчивая тенденция к росту значения нормативного акта как источника права, что проявляется, в частности, в отказе Верховного Суда США от “судейского активизма” в пользу “судейского консерватизма”, а в континентально-европейской системе — к росту значения судебного прецедента, что проявляется, например, в признании первоочередной функцией кассационных судов не выявления конкретных судебных ошибок, а формирования правовых позиций общего характера¹². Границы, разделяющие правовые системы, постепенно размываются. Формируется единая глобальная правовая среда, в рамках которой появляется все больше смешанных правовых систем (например, современное право Израиля, Канады, а также региональные системы Шотландии и Квебека). Возникают наднациональные системы права, сочетающие в себе элементы различных систем: в частности в систему права Европейского Союза входят как нормативные правовые акты органов ЕС, так и прецеденты Европейского Суда по правам человека¹³.

К сожалению, эти обстоятельства остаются без должного внимания многих российских исследователей. В научной литературе и в различных дискуссиях постоянно приходится слышать о том, что в России разъяснения Пленума Верховного Суда и его правовые позиции не являются источниками права¹⁴. При этом в ответ на возражения о том, что такого рода разъяснения и позиции имеют общеобязательное значение, а их нарушение является основанием для отмены судебного постановления как незаконного, отвергаются со ссылкой на то, что акты Верховного Суда не могут содержать норм права. Правовые нормы, по мнению ряда исследователей, может творить только законодатель, а высшая судебная инстанция лишь толкует уже существующее право.

В таком подходе ярко проявляется формальное правопонимание, продиктованное позитивистской правовой школой. В традиционном для российской правовой науки понимании позитивизма право приравнивается к законодательству, а судебные акты содержат лишь толкование правовых норм. Следует отметить, что подобный подход к позитивизму

¹⁰ См., напр.: Курбатов А.Я. Прецедентное право в России: пренебрежение к законам и усугубление проблем правоприменения // Закон. 2011. № 4. С. 103–110.

¹¹ См.: Van Caenegem R.C. Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 84–88.

¹² См., напр.: Farber D.A., Frickey P.P. Law and Public Choice: a Critical Introduction. Chicago, 2010. P. 88.

¹³ Подробнее об этом см.: Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в обзорах права. М., 2010; Энтин Л.М. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. М., 2012.

¹⁴ См., напр.: Курбатов А.Я. Указ. соч. С. 103–110.

является упрощенным и несколько искажает изначальную суть позитивистского учения. В частности, особое внимание обращает на себя то, что “отец-основатель” позитивистской школы Г. Кельзен в своем знаменитом труде “Чистое учение о праве” без каких-либо сомнений признает судебное правотворчество. Более того, для Кельзена любое вынесенное судом решение создает новую норму, вытекающую из более общей нормы закона. Таким образом, изначальное позитивизм подразумевал, что право является совокупностью правовых норм, содержащихся в том числе в судебных актах¹⁵. В последующем этот взгляд был существенно искажен, и понятие “норма права” было по сути приравнено к понятию “норма закона”.

Развитие правовой мысли с неизбежностью привело к отказу от таких формалистских взглядов. В конце XX в. исследователь правовых систем современности Р. Давид писал о том, что “кодексы устарели, и это ослабило, если не устранило, законодательный позитивизм XIX века. Мы все более открыто признаем ведущую роль доктрины и судебной практики в формировании и эволюции права, и ни один юрист не считает, что лишь законодательные тексты важны для знания права”¹⁶.

Через призму социологического подхода становится ясно, что судебная практика является источником права, несмотря на то что она не содержит и не создает правовых норм. Судебные акты — источники “живого права”.

Особый интерес в этом контексте представляют обсуждаемые в современной научной литературе подходы, согласно которым термин “источник права” необходимо отделять от термина “форма права”, которые в российской юридической доктрине принято отождествлять. Сторонники так называемого интегративного правопонимания обоснованно указывают на то, что источниками права являются его истоки, основополагающие начала, позволяющие понять и проследить происхождение, генезис тех или иных правовых норм. В связи с этим под источниками права следует понимать идеи, юридические доктрины, правовые позиции, содержащиеся и развивающиеся в многоуровневой правовой системе. Акты судебного толкования содержат как раз те общие идеи и позиции, которые выступают источниками происхождения права как реально действующего регулятора общественных отношений, а не просто текста пра-

вовой нормы¹⁷. Такой подход к пониманию термина “источник права” наглядно показывает, что судебное толкование вполне обоснованно может быть квалифицировано в качестве такого источника. В свою очередь, под формами права следует понимать способы выражения правовых норм — законы, подзаконные акты, правовые обычаи и т.д.

Особенности толкования правовых норм Верховным Судом Российской Федерации на современном этапе

Существуют различные уровни толкования правовых норм. В юридической науке выделяются разные классификации типов толкования права, и все они правомерны. В архаичном обществе толкованием древнейшего права могли заниматься только служители религиозного культа — понтифики, поскольку само право имело религиозное происхождение и рассматривалось как божественная воля¹⁸. На современном этапе общественно-государственного развития главным правотворцем выступает законодательный орган, сформированный по принципу народного представительства и выступающий от лица всего населения конкретного государства. Таким образом, право является достоянием не отдельной группы лиц, а всего народа, имеющего возможность самостоятельно изучать правовые предписания и уяснять их смысл. Вместе с тем далеко не каждое толкование права приобретает обязательный характер, равно как и авторитет в юридической среде. Именно поэтому вполне обоснованным представляется выделение четырех типов толкования права: аутентичное, официальное, профессиональное и бытовое.

Под аутентичным толкованием права понимается толкование, даваемое тем же органом, который утвердил ту или иную правовую норму (нормотворческим органом)¹⁹. В современных условиях нечасто приходится сталкиваться с такого рода толкованием права, поскольку главным способом выражения воли нормотворческого органа выступает все же закон, а не акт толкования права. Вместе с тем ряд примеров толкования права таким методом все же можно привести. В частности, можно указать на письмо Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от

¹⁵ См.: *Kelsen H.* What is Justice? Justice, Law, and Politics in the Mirror of Science: Collected Essays by Hans Kelsen. 2000. P. 221.

¹⁶ *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 467.

¹⁷ См.: *Еришов В.В.* Российское право с позиций легизма и интегративного правопонимания // Росс. правосудие. 2011. № 10. С. 21.

¹⁸ См.: *Покровский И.А.* Лекции по истории римского права. М., 2013. С. 74, 75.

¹⁹ См.: *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 157—159.

22 января 2013 г. № 3.3–6/94, необходимость которого была обусловлена правовой неопределённостью в вопросе о необходимости государственной регистрации договоров аренды недвижимости, заключённых в период с 1 марта 2013 г., когда вступили в силу законодательные изменения, отменяющие необходимость регистрации договоров аренды, до 4 марта 2013 г., когда вступили в силу правовые нормы, предусматривающие необходимость регистрации аренды. В связи с неоднозначной правовой ситуацией Комитет указал, что заключённые в указанный период договоры аренды государственной регистрации не подлежат, однако такой регистрации подлежит само обременение недвижимости в виде аренды, возникающее на основании этих договоров.

В сфере подзаконного регулирования значительное распространение получили документы, принимаемые в форме писем. Подобные письма не содержат правовых норм и направлены на разъяснение либо законодательных положений, являясь актами профессионального толкования права (речь об этом виде толкования права пойдет ниже), либо положений подзаконных нормативных актов, принятых этим же органом, являясь в этом случае актами аутентичного толкования права. В частности, нередко издаются письма Министерства финансов РФ, разъясняющие спорные вопросы применения актов Правительства РФ и самого этого министерства в бюджетной сфере. Федеральная налоговая служба нередко публикует письма, касающиеся применения ее актов в сфере налогообложения. Существенное значение для кредитно-финансовой сферы имеют издаваемые Центральным банком РФ письма, содержащие толкование неоднозначных аспектов применения различных положений и стандартов, издаваемых Банком России и обязательных для применения всеми кредитными организациями.

Следующей разновидностью толкования правовых норм является их официальное толкование. Такое толкование дается органом, который законодательно уполномочен толковать правовые нормы и толкования которого носят обязательный характер. Таким образом, официальное толкование характеризуется двумя обязательными признаками, отличающими его от иных видов толкования права: во-первых, наличие у органа, осуществляющего такое толкование, предусмотренных законом полномочий по осуществлению толкования; во-вторых, обязательный характер толкования для всех участников соответствующих правоотно-

шений²⁰. Классическим примером официального толкования правовых норм во всех развитых правовых порядках является их судебное толкование.

В Российской Федерации официальное толкование правовых норм осуществляется Верховным Судом РФ. Именно Верховный Суд наделен конституционным полномочием давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции РФ). Данное полномочие конкретизировано в федеральных конституционных законах. В частности, в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”²¹ указано, что Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики.

В этой связи Федеральный конституционный закон “О Верховном Суде Российской Федерации”²² закрепляет за Пленумом Верховного Суда РФ полномочие по рассмотрению материалов анализа и обобщения судебной практики и даче судам разъяснений по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (п. 1 ч. 3 ст. 5), а за Президиумом Верховного Суда – по рассмотрению отдельных вопросов судебной практики (п. 7 ч. 1 ст. 7). В данных нормативных положениях нашел свое отражение первый признак официального толкования правовых норм – наличие законодательных полномочий по такому толкованию.

Общеобязательное значение толкований, даваемых Верховным Судом РФ (второй признак официального толкования права), нашло свое отражение в ряде процессуально-правовых норм. В частности, нарушение единообразия в толковании и применении норм права, обеспечиваемого путем принятия постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда, является основанием для отмены вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора (п. 3 ст. 391⁹ ГПК РФ, п. 3 ст. 308⁸ АПК РФ, п. 3 ст. 341 КАС РФ). Кроме того, изменение практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда является основанием для пересмотра по новым обстоятельствам судебных постановлений, в которых применена эта же правовая норма (п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ).

²⁰ См.: *Волленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 18–20.

²¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

²² См.: СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550.

Следует отметить, что определения, принимаемые Судебными коллегиями Верховного Суда РФ при рассмотрении конкретных дел в кассационном порядке, также содержат официальные толкования правовых норм. Статус таких толкований не имеет того фундаментального значения, которым характеризуются постановления Президиума и тем более – постановления Пленума Верховного Суда РФ, однако изложенные в определениях высшей судебной инстанции толкования правовых норм всё же имеют существенное значение для формирования единообразной правоприменительной практики и должны приниматься нижестоящими судами во внимание при рассмотрении аналогичных дел.

Высокий статус кассационных определений Верховного Суда обеспечивается прежде всего тем, что, исходя из принципа правовой определенности, высшая судебная инстанция при рассмотрении сходных правовых ситуаций применяет единые правовые подходы, в связи с чем однажды высказанная в кассационном определении позиция является стабильной и будет последовательно применяться Верховным Судом в дальнейшем. Кроме того, следует учитывать, что именно кассационные определения Судебных коллегий Верховного Суда составляют основу Обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда и носящих обязательный характер. Наконец, сами Судебные коллегии Верховного Суда, рассматривающие конкретные дела в кассационном порядке, наделены полномочием по обобщению судебной практики (п. 4 ст. 10 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”).

Таким образом, сформировалась определенная иерархия толкований правовых норм Верховным Судом РФ. В основе этой иерархии находятся определения, принимаемые при рассмотрении конкретных дел в кассационном порядке, далее – постановления Президиума Верховного Суда РФ, принимаемые в порядке надзора или утверждающие Обзоры судебной практики, и, наконец, постановления Пленума Верховного Суда РФ как акты толкования права наиболее высокой юридической силы.

Три “звена” обозначенной иерархии не существуют абсолютно автономно друг от друга – они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, чаще всего толкование той или иной правовой нормы “зарождается” при рассмотрении конкретного дела в кассационном порядке и впервые находит свое отражение в определении Судебной коллегии Верховного Суда. В случае, если такое толкование

имеет особое значение для правоприменительной практики и (или) в случае множественности определений, содержащих сходные правовые позиции, соответствующее толкование находит свое отражение в Обзоре судебной практики, утверждаемом Президиумом Верховного Суда. В свою очередь, при подготовке проекта постановления Пленума, посвящённого соответствующему кругу вопросов, первоочередным предметом обсуждения станет целесообразность включения в него тех правовых позиций, которые сформулированы в утверждённых Президиумом Верховного Суда обзорах. Наконец, сформулированные Пленумом Верховного Суда правовые позиции становятся основой для дальнейшего развития законодательства и подготовки проектов федеральных законов (подробнее об этом будет сказано ниже).

Еще одним из уровней толкования правовых норм является их профессиональное толкование. Такое толкование, даваемое в различных формах профессиональными юристами, характеризуется отсутствием обязательных признаков официального толкования²³. Нельзя недооценивать значение профессионального толкования права: именно оно служит основой для официального толкования – ведь профессиональные дискуссии о смысле и содержании тех или иных правовых предписаний, по итогам которых впоследствии формулируются общеобязательные разъяснения, по сути являются именно “борьбой профессиональных толкований”. Кроме того, не будет сильным преувеличением идея о том, что официальное толкование правовой нормы сперва зарождается именно в форме профессионального толкования, поскольку идеи и рассуждения конкретного судьи, дающего правовую оценку обстоятельствам дела или участвующего в разработке Обзора судебной практики или постановления Пленума, первоначально представляют собой именно профессиональное толкование права.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на соответствующие полномочия президиумов областных и равных им судов, в компетенцию которых в настоящее время входит рассмотрение материалов по изучению и обобщению судебной практики и анализу судебной статистики (п. 4 ч. 3 ст. 26 Федерального конституционного закона “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации”²⁴). В подготовленном Верховным Судом РФ проекте федерального конституционного закона, предусматривающем создание самостоятель-

²³ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 179.

²⁴ См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 898.

ных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, полномочия президиумов этих судов сформулированы аналогичным образом. Из приведенной формулировки следует, что президиумы областных и равных им судов, в отличие от Верховного Суда РФ, не наделены полномочиями давать какие-либо разъяснения судебной практики, обобщать судебную практику в форме обзоров и обеспечивать единообразие судебной практики. Результаты обобщения судебной практики, проводимой президиумами областных и равных им судов, не имеют обязательного значения и не влекут каких-либо правовых последствий. Работа названных президиумов по обобщению судебной практики носит не обязательный, а информационно-аналитический характер и направлена не на обеспечение единообразия судебной практики в пределах какой-либо территории, а на совершенствование работы конкретного суда.

Отсюда следует вывод: в отличие от Верховного Суда РФ, президиумы нижестоящих судов осуществляют не официальное, а профессиональное толкование правовых норм. Единственным президиумом, правовые позиции которого носят официальный характер, является Президиум Верховного Суда РФ.

Наконец, следует упомянуть о четвертой разновидности толкования права – бытовом толковании правовых предписаний. Такое толкование осуществляется людьми, не имеющими юридического образования, в целях оценки собственного поведения и поведения других лиц с позиции права. Бытовое толкование, безусловно, является позитивным явлением, поскольку способствует развитию правовой культуры в обществе и утверждению верховенства закона, основанного на взаимной ответственности и добросовестности участников правовых отношений. Однако практика не только российского, но и других правовых порядков показала, что судебная защита прав граждан и организаций наиболее эффективно осуществляется в случае, если все участники процесса представляют суду именно профессиональные толкования правовых норм применительно к конкретным обстоятельствам дела. Отсутствие профессионализма в толковании права в рамках судебного спора приводит к тому, что стороны и суд разговаривают “на разных языках”, и судебный процесс вместо борьбы правовых позиций превращается в борьбу эмоций и жизненных интересов. В этой связи российское судейское сообщество поддерживает предложения по введению в судах обязательного профессионального представительства, которое

будет отвечать интересам правосудия и участвующих в судебных процессах лиц.

Теоретико-правовой науке известен ряд методов толкования права, в частности метод буквального толкования, системный метод, телеологическое толкование (толкование, исходя из целей законодательного регулирования²⁵), историко-правовой метод²⁶. Содержание каждого из этих методов в настоящее время характеризуется высоким уровнем научной разработки, им посвящены многочисленные научные исследования. В связи с этим подробно останавливаться на раскрытии сути каждого из них представляется нецелесообразным. Укажем лишь на особенности применения этих методов Верховным Судом РФ.

Следует отметить, что все названные методы толкования права применяются Верховным Судом РФ в целях устранения правовой неопределенности и правильного разрешения споров.

Широко применяется Верховным Судом РФ метод буквального толкования правовых норм. При формулировании правовых позиций по конкретным делам, а также разъяснений общего характера высшая судебная инстанция исходит из приоритета буквального толкования правовых норм перед иными методами толкования: в первую очередь необходимо попытаться установить смысл правовой нормы и способ ее правильного применения к конкретным правоотношениям, руководствуясь текстом этой нормы. Применение иных методов толкования должно осуществляться только в случае, если сам по себе текст правовой нормы не дает ясных и однозначных ответов на вопросы, поставленные перед судом в связи с обстоятельствами конкретного дела. Необходимо также отметить, что метод буквального толкования наиболее активно применяется Верховным Судом в публично-правовой сфере, т.е. в отношениях, имеющих особую значимость для государства и общества в целом, которые не допускают широкой сферы усмотрения.

Например, в п. 1 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г., указано, что, исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе, заказчики, осуществляющие закупку по правилам данно-

²⁵ См.: Barak A. Purposive Interpretation of Law. Princeton, 2011.

²⁶ См.: Бошно С.В. Теория государства и права. М., 2017. С. 179, 180.

го Закона, при описании объекта закупки должны таким образом определить требования к закупаемым товарам, работам, услугам, чтобы, с одной стороны, повысить шансы на приобретение товара именно с теми характеристиками, которые им необходимы, соответствуют их потребностям, а с другой стороны, необоснованно не ограничить количество участников закупки.

Встречаются примеры буквального толкования и частнопроводных норм. Например, исходя из буквального толкования положений п. 2 ст. 654 ГК РФ, Верховный Суд указал, что по общему правилу плата за пользование земельным участком включена в размер арендной платы за пользование зданием, расположенным на этом участке (определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2017 г. № 309-ЭС16-18264).

Широкое распространение в практике Верховного Суда РФ получил системный метод толкования правовых норм, позволяющий установить смысл конкретного правового предписания исходя не только из его текста, но и из контекста всего нормативно-правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Фундаментальное значение всех участников гражданских правоотношений имеет разъяснение Пленума Верховного Суда, раскрывающее содержание принципа добросовестности и основанное на применении именно системного метода толкования права. Это разъяснение содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁷, в котором предусмотрено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. При этом поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

²⁷ См.: Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

В приведенном разъяснении также дано системное толкование правовых норм, устанавливающих последствия отклонения поведения участника гражданских правоотношений от требований добросовестности — злоупотребления правом. Этот правовой институт, наличие которого свидетельствует о высоком уровне развития гражданского оборота, крайне сложен по своему правовому содержанию, поскольку характеризует поведение участника гражданских правоотношений, формально являющееся правомерным, но по существу направленное на достижение противоправных целей. Сложная юридическая природа института злоупотребления правом предопределила широкую сферу усмотрения при его применении и необходимость системного подхода. В связи с этим Верховный Суд впервые дал четкие руководящие разъяснения о том, что, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны, например признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно, наступившим или не наступившим; указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения.

Еще одним ярким примером применения системного толкования правовых норм является правовая позиция, изложенная в разд. V Обзора судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. Согласно данной позиции алиментные обязательства бабушки и дедушки являются алиментными обязательствами второй очереди и возникают только в случае невозможности (т.е. по уважительной, не зависящей от родителей причине ввиду отсутствия объективной возможности содержать своих детей) получения внуками содержания от своих родителей. Такая позиция кажется самоочевидной и логичной, однако она не нашла своего прямого отражения в законе и не могла быть сформулирована без системного толкования предписаний семейного законодательства.

Следует отметить, что буквальное и системное толкование правовых норм является наиболее часто применяемым Верховным Судом РФ методом толкования, в связи с чем указания на отдельные

примеры такого толкования носят весьма условный характер — в каждом правовом акте, утверждаемом Верховным Судом (определении, Обзоре, постановлении Пленума), можно найти примеры буквального и (или) системного толкования права. Вместе с тем другие методы толкования правовых норм также не остались “за бортом” практики высшей судебной инстанции и применяются весьма активно.

В частности, Верховным Судом применяется телеологическое толкование правовых норм в случаях, когда цель законодательного регулирования тех или иных отношений очевидна, обусловлена конституционно-значимыми ценностями и непосредственно вытекает из самого содержания нормативно-правового акта.

Так, в п. 17 Обзора практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 г.), указано, что предоставленные российской организации тарифные преференции при ввозе имущества в качестве вклада в уставный капитал не подлежат пересмотру в случае, если изменился правовой режим использования такого имущества (в частности, если имущество передано в аренду третьему лицу). Данная правовая позиция основана на том, что публично-правовой целью норм о тарифных преференциях является привлечение в российскую экономику иностранных инвестиций, а следовательно, в случае реального достижения этой цели таможенная преференция не подлежит пересмотру.

В качестве еще одного примера телеологического толкования права можно привести разъяснение, содержащееся в п. 7 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 2016 г. (№ 3), утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г. Данное разъяснение касалось сферы применения норм § 7 гл. IX Закона о банкротстве, устанавливающих специальные правила банкротства застройщиков и повышенные средства защиты прав граждан, передавших свои денежные средства по договорам долевого участия таким застройщикам. Нижестоящие суды, ссылаясь на отсутствие прямых договорных связей между неплатёжеспособным застройщиком и гражданами, отказывали в применении специального правового регулирования. Верховный Суд указал, что при этом суды игнорировали цели законодательного регулирования соответствующего института, состоящие в первую очередь в необходимости защиты участников строительства от злоупотреблений застройщиков, совершаемых путем иного правового

оформления своих отношений по привлечению денежных средств. Дав телеологическое толкование нормам, регулирующим отношения по долевному участию в строительстве, высшая судебная инстанция указала, что застройщиком может быть признано не только лицо, с которым у участников долевого строительства заключены соответствующие договоры, но и организация, фактически аккумулирующая денежные средства, переданные для строительства многоквартирного дома.

Верховным Судом РФ применяется также исторический метод толкования правовых норм, который позволяет проследить динамику регулирования тех или иных общественных отношений и установить, какие правовые нормы подлежат применению, а какие — нет.

В частности, данный метод толкования права был применён Верховным Судом РФ в определении от 6 декабря 2016 г. № 35-КГ16-17. В этом судебном постановлении поднята проблема определения размера индексации присуждённых денежных сумм, предусмотренной ст. 208 ГПК РФ. Устанавливая возможность такой индексации, эта норма процессуального права не закрепляет конкретного размера соответствующей индексации. Ранее суды исходили из того, что размер индексации определяется индексом роста потребительских цен, предусмотренным Законом РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1799-1 “Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР”. Однако Верховный Суд указал, что в связи с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ названный Закон РСФСР утратил силу с 1 января 2005 г., в связи с чем индекс роста потребительских цен на современном этапе не имеет нормативного значения и не может применяться в гражданско-процессуальных отношениях.

Еще одним наглядным примером применения исторического метода толкования права является определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2016 г. № 4-КГ16-62, в котором дан анализ правового регулирования пенсионного обеспечения персонала гражданской авиации. В этом определении последовательно рассмотрено историческое развитие соответствующего правового регулирования за период с 1989 г. до настоящего времени и на основе проведенного анализа дана рекомендация, какими правовыми нормами следует руководствоваться при определении размера и порядка выплаты пенсий лицам, вышедшим на пенсию в разные периоды времени.

(Окончание в следующем номере)

THE INTERPRETATION OF LAW BY THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN LEGAL SYSTEM

© 2018 V. V. Momotov

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow

E-mail: fedorov_si@vsrf.ru

Received 10.08.2017

The article considers the place and role of interpretations of the legal norms given by the Supreme Court of the Russian Federation in the legal system of Russia. Based on the views of representatives of the sociological school of law, the position is based on which such interpretations are sources of law (the so-called “living law”). The general assessment of the system of interpretation of law in force in the Russian Federation is given, under which the Supreme Court exercises an official interpretation of law. On concrete examples it is shown that the highest judicial instance applies all the methods of interpretation developed by the science of the theory of law: literal, systemic, teleological, historical. The hierarchy of interpretations of legal norms by the Supreme Court (definitions on specific cases, reviews of judicial practice, decisions of the Plenum) is formulated, each of which «steps» is a prerequisite for the subsequent.

The significance of the interpretation of the highest judicial instance for the development of the legal system is shown, in particular, in filling legal gaps, in resolving legal conflicts, in applying existing legal regulation to dynamically changing and complicated public relations, and in the mutual influence of interpretation of law and lawmaking. The latest trends in the development of judicial interpretation of law are demonstrated, in particular, the emergence of the so-called «preemptive» explanations of the Plenum of the Supreme Court.

Key words: interpretation of law, the Supreme Court of the Russian Federation, the resolution of the Plenum, judicial practice, sources of law.